

Э.Р. Полатханова

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация

Граф А.А. Аракчеев и становление системы начальных школ в военных поселениях (1815–1825 гг.)

В статье дан анализ малоизученного аспекта истории военных поселений в России 1810–1825 гг. – процесса создания и функционирования начальных учебных заведений для военных поселян. Представленный материал позволяет пересмотреть негативные оценки военных поселений, доминирующие в научной и популярной литературе. Введение военных поселений предполагало, в частности, существенное расширение системы начального обучения, ориентированной на приобретение учащимися практических навыков и учитывавшей зарубежный опыт. В случае успеха система школ в военных поселениях могла стать шагом к всеобщему начальному образованию в России. Свертывание этих планов после смерти императора Александра I и отставки гр. А.А. Аракчеева еще более дискредитировало военные поселения в глазах современников и будущих поколений.

Ключевые слова: военные поселения, всеобщее начальное образование, образовательная реформа, подготовка учительских кадров, граф А.А. Аракчеев, император Александр I, белл-ланкастерская система взаимного обучения

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Полатханова Э.Р. Граф А.А. Аракчеев и становление системы начальных школ в военных поселениях (1815–1825 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 23–38. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-23-38

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-23-38

E.R. PolatkhanovaMoscow Pedagogical State University,
119435, Moscow, Russian Federation

Count Alexei Arakcheev and the rise of primary school system in the Russian military colonies (1815–1825)

The article examines one of the lesser-known aspects of the military colonies in Russia in 1810–1825, the emergence and functioning of primary schools for the colonists. Historical evidence presented in the article prompts one to reconsider negative assessments of the military colonies that persist in historical literature and popular works. The introduction of the military colonies meant the expansion of primary education system that took into account other countries' educational experience and aimed at teaching the colonists important practical skills. The success of the system was seen by its organizers as an initial step in the move to general primary-level education in Russia. The demise of the project after Emperor Alexander I' death and Count Arakcheev's resignation, however, further discredited the military colonies in the opinion of the contemporaries and the succeeding generations.

Key words: military colonies, general education, educational reform, teacher training, Count Alexei Arakcheev, Emperor Alexander I, Bell-Lancaster system of mutual instruction

FOR CITATION: Polatkhanova E.R. Count Alexei Arakcheev and the rise of primary school system in the Russian military colonies (1815–1825). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 23–38. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-23-38

Инициативы, связанные с распространением системы всеобщего начального образования в России, редко связывают с эпохой Александра I и тем более – с деятельностью гр. А.А. Аракчеева по созданию военных поселений.

Между тем, шаги по созданию начальных школ для военных поселян могут рассматриваться в контексте перехода ко всеобщему начальному образованию и заставляют усомниться в привычной историографической схеме, согласно которой планы преобразований первых лет царствования Александра I сменились эпохой реакции второй половины царствования.

Военные поселения начали создаваться в 1810 г. и стали одним из важных начинаний той эпохи [23, с. 41]. Известно, что на протяжении двух последних столетий деятельность Аракчеева и военные поселения ассоциируются в общественном сознании с деспотизмом, солдафонством и муштрой. Именно так оценивали их и многие современники [1].

У исследователей имеются основания с осторожностью отнестись к крайним оценкам феномена военных поселений. Ведь военные поселения ставили в повестку дня необходимость решения проблемы крепостного права, побуждали правительство заняться насущными проблемами здравоохранения и озаботиться переходом к всеобщему начальному образованию. Например, сторонниками развития ланкастерской системы в России были как Александр I и ряд высокопоставленных сановников, так и многие декабристы. Поэтому необходимо тщательно исследовать каждый конкретный аспект устройства и функционирования военных поселений.

Целью настоящей статьи является анализ становления системы начальных школ в военных поселениях в 1815–1825 гг. и роль Аракчеева в этом процессе.

Дореволюционная историография в целом критически оценивала практику устройства военных поселений, но при этом не содержала отдельных исследований по проблематике начального образования в военных поселениях [3; 19; 20].

Изучение «аракчеевщины» в советский период было возобновлено в первой половине 1930-х гг. Н.А. Константинов впервые пытался осмыслить сущность, формы и эффективность системы обучения в военных поселениях. Правда, политические события в Европе того времени, особенно приход к власти в Германии нацистов в 1933 г., наложили отпечаток на авторские суждения и оценки. Советский педагог сравнивал «пруссские» порядки, царившие в военных поселениях, с общественным устройством нацистской Германии, а самого Аракчеева – с Гитлером, полагая, что оба видели образ идеального учителя в лице тупого и жестокого солдафона-офицера [11, с. 12]. Смысл обучения кантонистов, по мнению Константинова, заключался в воспроизводстве «бессловесной серой скотинки» [Там же, с. 13].

Однако факты и статистические сведения, на которые ссылается Константинов, говорят о противоположном. Опираясь на архивные данные, автор сообщал, что в военных школах обучалось в общей сложности 30 002 человек в возрасте от 10 до 18 лет. Иными словами, в «аракчеевские» времена бесплатное начальное образование в военных поселениях получали более 30 тыс. детей, в основном, выходцев из солдатских семей.

В 1980–1990 гг. доминирование негативных оценок деятельности Аракчеева и «аракчеевщины» сменяется более взвешенными суждениями о его важной государственной деятельности и о ценном опыте организации военных поселений. Некоторые авторы приступили к развенчанию мифов об Аракчееве. С конца 1990-х гг. по настоящее время на постсоветском пространстве вышел целый ряд специальных работ по истории военных поселений.

Б.Б. Давыдов [4; 5], Т.Н. Кандаурова [7–9], В.К. Ячменихин [21; 22], К.М. Ячменихин [23] уделяли особое внимание специфике образовательной системы военных поселений, видя в ней, с одной стороны, результат реформ военно-учебной сферы, а с другой – способ решения задач подготовки офицеров-педагогов и актуализации проблем введения всеобщего начального образования. Наибольший интерес для указанных авторов представляли военные и бытовые аспекты обучения поселян. Между тем, эскадронные и ротные школы давали реальную возможность получения начального образования детям из разных сословий – и офицерским, и крестьянским [8, с. 74].

Для изучения развития ланкастерской системы обучения в России немаловажную роль сыграли работы А.А. Орлова, в которых были вскрыты причины постепенного отказа государства от данной методики обучения [14; 15].

Особенностью зарубежной историографии по проблеме военных поселений является незначительное (по сравнению с отечественной историографией) количество специальных работ, посвященных этой теме. Однако зарубежная историография не сводится к биографиям Александра I [24; 26; 29; 30; 33] и других видных деятелей его царствования (см., например [28; 32]), в которых упоминается деятельность Аракчеева и военные поселения. Напротив, она содержит работы с новаторским подходом к изучению данной проблематики.

Научное исследование темы военных поселений в США и Великобритании становится особенно интенсивным в 1950–1960-е гг. с появлением диссертаций К.Р. Уитинга «Алексей Андреевич Аракчеев» [35] и А. Фергюсона «Военные поселения в России, 1810–1866 гг.» [25], а также статьи Р. Пайпса «Военные поселения в России, 1810–1830 гг.» [31]

и книги английского дипломата М. Дженкинса «Аракчеев: Великий визирь Российской империи» (1969 г., перев. на русский язык – 2004 г.) [27]. Особенностью этих исследований был их оригинальный характер. Работы Уиттинга и Дженкинса стали первыми крупными трудами, посвященными политической биографии Аракчеева. Подобных исследований до этого не знала ни зарубежная, ни советская историография.

В статье Пайпса и исследовании Фергюсона представлена характеристика идеологии, устройства и деятельности военных поселений. Примечательно, что и сама фигура Аракчеева оценивается в них взвешенно и объективно. Поскольку авторам были недоступны советские архивы, приходится констатировать относительную ограниченность источниковой базы. С другой стороны, они досконально изучили опубликованные источники (законодательные акты, воспоминания, переписку) и широко использовали их в своих работах.

Впрочем, и современные исследователи, имеющие неограниченный доступ к российским архивам и изучающие историю школ в военных поселениях по нормативным документам, сталкиваются с вопросом о том, в какой степени официальные предписания влияли на реальное положение дел в школах для кантонистов. Действительно, порядок и содержание обучения, воспитание и быт кантонистов основывались на соответствующих нормативных актах 1817 г.¹ Аракчеев лично руководил разработкой отдельного «Проекта положения о военных кантонистах» [21, с. 43]. Кантонистами становились сыновья военных поселян и коренных сельских жителей. Они делились на три «возраста»: «малый» (до 7 лет), «средний» (с 7 до 12 лет) и «большой» (с 12 до 18 лет). Кантонисты, достигшие семилетнего возраста, должны были посещать школу. Своя школа, как правило, имела при каждой поселенной роте или эскадроне.

Те кантонисты, которые достигли «большого возраста», предназначались в дальнейшем для несения строевой службы или признавались негодными к ней по состоянию здоровья. Последних надлежало обучать различным ремеслам в своих полках и у мастеров в Москве. При этом выпускникам кантонистских школ предстояло, так или иначе, передавать знания и навыки своим младшим товарищам [8, с. 74].

Основными предметами являлись: закон Божий, русский язык, арифметика, первоначальные понятия геометрии, рисование и пение [21, с. 72]. На военные и строевые занятия допускались только кантонисты «старшего возраста», годные к строевой службе.

¹ Учреждение о военном поселении регулярной кавалерии. СПб., 1817. Т. 1–3.

Особое внимание уделялось воспитанию. Главным принципом, лежавшим в основе воспитания, считался «добрый пример» [22, с. 153].

Детей в военных поселениях приучали к дисциплине, которую называли «душой всякой службы»². Аракчеев заботился о том, чтобы ни в коем случае не держать постоянно на казарменном положении кантонистов «большого возраста» (подробнее см. [Там же]). В одном из писем к командиру поселенных батальонов 2-й и 3-й гренадерских дивизий генералу С.И. Маевскому он замечал: «Вы, отобрав от родителей детей кантонистов большого возраста, собрали оных в учебный батальон, что совершенно противно коренным правилам военного поселения, ибо главное правило – соединять семейства, а не отделять их от родителей» [3, с. 27]. Иными словами, разлучение детей с родителями он, как начальник военных поселений, считал грубым нарушением им самим заведенного распорядка [Там же, с. 232].

Выпускник Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса П.П. Карцов в своих мемуарах выражал убежденность в том, что «кантонистские школы военных поселений приносили несомненную пользу народному образованию вообще и военному ведомству в особенности» [10, с. 100]. Эта польза заключалась, прежде всего, в распространении образования среди сельского населения. Кроме того, девочки также получали возможность учиться [Там же]. Британский врач, путешественник, ученый Роберт Лайелл (1789–1831), отмечал роль школ, существовавших в военных поселениях, в развитии женского образования, которое ранее «находилось в пренебрежении»³.

Правда, поначалу не везде удавалось устроить помещения для обучения и открыть школы. И, конечно, не всегда школьное обучение кантонистов находилось на требуемом уровне [22, с. 157–158]. Но, несмотря на нехватку учителей, в военных поселениях строились и открывались новые школы: так, только с 1822 по 1824 гг. в кавалерийских полковых округах было построено и открыто 65 школ [Там же, с. 158].

Заведуя всеми военно-сиротскими отделениями, Аракчеев ввел там другое деление на возрастные категории. «Младший возраст» в военно-сиротском отделении заканчивался в 9 лет, «средний возраст» теперь включал в себя детей от 10 до 15 лет, а «старший возраст» – воспитанников от 15 до 18 лет [3, с. 230–232]. Чтобы улучшить общее состояние военно-сиротских отделений, переполненных детьми, было предписано отправлять детей потомственных дворян и офицеров не в эти отделения, а непосредственно в кадетские корпуса и Дворянский полк. Благодаря

² Учреждение о военном поселении регулярной кавалерии. СПб., 1817. Т. 2. С. 27.

³ Lyall R. An account of the organization, administration, and present state of the military colonies in Russia, with an appendix, containing statistical tables. L., 1824. Pp. 27–29.

этому, в военно-сиротских отделениях удалось сократить количество больных детей.

Аракчеев отводил огромную роль наставнической работе. Его письма к генералу Маевскому чаще всего носили неформальный характер. Аракчеев указывал оптимальные пути решения проблем, хвалил за достигнутые успехи и критически оценивал допущенные ошибки [3, с. 252–308]. С одним из писем граф возвратил Маевскому его небрежно составленный рапорт с прилагаемым «списком» и добавил: «Я рассмотрением вашим по сему списку недоволен; видно вы очень легко оный рассматривали, а где касается до людей, то оные делать нужно гораздо обстоятельнее, рассуждать» [Там же, с. 273]. В конце письма Аракчеев напоминал, что офицер имеет дело с живыми людьми. Это, по его словам, «гораздо труднее учебного шага и всего фронта» [Там же, с. 274].

Аракчеев сам составлял правила и приказы, содержащие служебные наставления и инструкции. Офицер как наставник должен был не только заниматься обучением, но и «наблюдать за нравственным и учебным образованием военных кантонистов и детей женского пола» [Там же, с. 225]. Аракчеев строго очерчивал круг служебных обязанностей офицера – желал видеть его кротким, терпеливым, справедливым и человеколюбивым; офицеру важно «быть деятельным» во всем и старательно заниматься обучением нижних чинов [Там же, с. 226]. Надлежащими правилами и обязанностями граф снабдил и нижних чинов. Тесно взаимодействуя, офицеры и солдаты, как он полагал, призваны служить примером для военных поселян и прочего местного населения. Тем самым приобретался опыт совместной деятельности военных и гражданских лиц, нацеленной на решение военных, хозяйственных и образовательных задач.

Вопрос о масштабах применения метода взаимного обучения Э. Белла и Дж. Ланкастера (белл-ланкастерской системы) в военных поселениях, неоднократно затрагивавшийся в исторической литературе [8; 9; 14; 21; 22], по-прежнему остается открытым. Введение ланкастерских школ, вероятнее всего, происходило, главным образом, по инициативе императора, который, как отмечает А.А. Орлов, руководствовался «идеей реформирования своего государства с учетом британского опыта» [15, с. 22]. Энергичным пропагандистом этой системы являлся в тот период публицист и издатель Н.И. Греч, что нашло отражение и в написанном им «Руководстве к учреждению школ для кантонистов среднего возраста по методу взаимного обучения и к управлению оными»⁴.

⁴ Руководство к учреждению школ для кантонистов среднего возраста по методу взаимного обучения и к управлению оными. СПб., 1819.

Гораздо труднее проследить отношение Аракчеева к белл-ланкастерской системе. Известно, что гр. Ф.П. Толстой пытался заручиться поддержкой Аракчеева в деле организации школ взаимного обучения и пригласил его лично осмотреть школы, обучение в которых велось по ланкастерской системе. Когда Аракчеев одобрительно отозвался об этой системе [14, с. 26], Толстой предложил ему стать почетным членом Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения [6, с. 232, № 220]. Вскоре Аракчееву были присланы книги, посвященные методу взаимного обучения.

В самом деле, в каталоге библиотеки Аракчеева (в разделе о нравственности и воспитании) упоминаются книги о белл-ланкастерской системе: «Взаимное обучение Истории, введенное в употребление и распространенное Г. Доктором А. Беллем, И. Ланкастером и другими в Английских и Французских училищах», «Руководство ко взаимному обучению, изданное Николаем Гречем», «Таблица для взаимного обучения: одна для училищ военного поселения»⁵. Метод взаимного обучения мог выглядеть привлекательным в силу видимого родства с правилами, распространенными в тогдашних учебных заведениях и усвоенными графом еще в бытность кадетом. Эти правила предусматривали шефство старших над младшими, большую роль лучших учеников в учебном процессе и их высокую степень ответственности.

Но в письмах Аракчеева, в составленных им правилах и инструкциях метод взаимного обучения практически не упоминается. Это могло быть вызвано резким охлаждением самого государя к ланкастерской системе после восстания в Семеновском полку в октябре 1820 г. Александр I напрямую связывал солдатский бунт не со злоупотреблениями полкового командира, а с антиправительственной пропагандой, ведению которой могла способствовать система взаимного обучения [13, с. 42]. Греч подвергся опале и был отстранен от дел народного просвещения. В секретной записке, касающейся событий восстания, командир Отдельного гвардейского корпуса генерал-адъютант И.В. Васильчиков писал: «Удаление г. Греча нахожу нужным и представлю к приезду Государя новое образование сим школам» [Там же, т. 2, с. 542]. Греча также изгнали из комиссии «для составления учебных пособий» [21, с. 83], которую возглавлял инженер-генерал-майор гр. Е.К. Сиверс. Состав комиссии был существенно обновлен. После этого комиссия проделала большую работу по подготовке новых учебников,

⁵ Каталог книг Грузинской библиотеки графа Алексея Андреевича Аракчеева, составленный флигель-адъютантом его императорского величества подпоручиком Шумским. СПб., 1824. С. 51–52.

по переводу иностранных книг и уставов, по отработке новой методики обучения [21, с. 83].

Для подготовки учителей школ, открытых в военных поселениях, было решено создать Военно-учительский институт, который должен был способствовать распространению и развитию всей системы начального образования. На одном из первых заседаний комиссия пришла к заключению, что «для воспитания и учения солдатских детей не довольно составить одни учебники, но еще и необходимо приготовить способных учителей» [цит. по: 21, с. 78]. Военно-учительский институт был основан еще в 1818 г. при военно-сиротском отделении в Петербурге, он становился площадкой для усвоения и внедрения передового опыта обучения солдатских детей.

Идея создания такого учебного заведения принадлежала Сиверсу. Аракчеев, являясь куратором комиссии, полностью одобрил это начинание и воплотил его в конкретных положениях, штатах учебного заведения. Наконец, он заручился поддержкой Александра I. В августе 1821 г. Сиверс предложил начальнику военных поселений перенести Военно-учительский институт в округ поселения Гренадерского графа Аракчеева полка. Он так объяснял пользу своего замысла: «Кантонисты, при образовании их в учителя, имели бы непрерывно перед глазами образцовые школы, точно такие, каковые впоследствии устраивать надлежит. При сем они заблаговременно знакомились бы со своими будущими обязанностями» [цит. по: 21, с. 84]. Аракчеев взял на вооружение идею Сиверса. 29 сентября 1821 г. последовал высочайший указ. Вслед за тем были утверждены штаты института и положение о нем⁶; на их основании строился дальнейший образовательный процесс.

В положении, которое было разработано Е.К. Сиверсом и П.А. Клейнмихелем, целью создания Военно-учительского института было названо образование для школ поселенных войск «добронравных, сведущих и опытных учителей»⁷. Поначалу в штат института входили 2 обер-офицера, фельдфебель, каптенармус, 70 кантонистов, 6 учителей, унтер-офицер и 10 рядовых из «инвалидов» (т.е. отслуживших солдат) поселенных войск в качестве прислуги. При этом 10 лучших кантонистов (из 70), становились исправляющими унтер-офицерскую должность. Институт делился на два отделения. Нижнее отделение, в свою очередь, состояло из двух *кланов*, в нем числилось 40 кантонистов 14–16-летнего

⁶ Положение о Военно-учительском Институте, при Отдельном корпусе военных поселений // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 1. Д. 99. Л. 676–689.

⁷ Там же. Л. 676.

возраста; а высшее отделение представляло собой один клан, в нем состояло 20 кантонистов 16–18 лет⁸.

Учебная программа института предполагала изучение в нижнем отделении тех же самых дисциплин, которые изучали кантонисты «большого возраста» в своих школах в военных поселениях. Это закон Божий, чистописание, правила грамматики, арифметика, начала геометрии, упражнение глазомера, черчение и рисование, церковное пение по нотам и военная экзерциция. В верхнем отделении программа включала в себе те же предметы, что и в нижнем, но была расширена за счет более глубокого изучения арифметики и геометрии, а также предполагала появление новых дисциплин – стереометрии и фехтования. Комиссия Сиверса ведала составлением программы, снабжала учителя по каждому предмету «особыми руководствами» и обеспечивала институт учебными пособиями⁹.

В институте, равно как и в других заведениях, которые находились под патронажем Аракчеева, была открыта библиотека¹⁰, где кантонисты могли самостоятельно брать книги по русской и всемирной истории, артиллерии, фортификации и другим дисциплинам.

На первый взгляд, справедливым является замечание Константинова о том, что в институте не преподавались педагогические дисциплины [12, с. 118]. Однако в то время педагогическая литература не была широко распространена. Комиссия сама разрабатывала и издавала учебные пособия, в т.ч. относящиеся к процессу обучения и воспитания. Например, член комиссии по учебным пособиям капитан Н.И. Глинка выпустил труд «О долге воина». Делались переводы иностранных книг по дидактическим вопросам – «Руководства к упражнению детей в непосредственном размышлении, следуя естественному порядку и постепенности», «Материал для упражнения детей в непосредственных размышлениях» [21, с. 83] и др.

Воспитанник Военно-учительского института Ф.А. Пенкин подчеркивал в своих воспоминаниях, что «имея в виду педагогическое направление института, а равно и то, что воспитанники были уже близки к возмужалости, граф Сиверс принял за основные начала – кротость и убеждение, поставив непрменным правилом» [18, с. 391]. Таким образом, обучение и воспитание в институте носили, прежде всего, сугубо практический характер и не предусматривали слишком

⁸ Положение о Военно-учительском Институте, при Отдельном корпусе военных поселений // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 1. Д. 99. Л. 676 об. – 677.

⁹ Там же. Л. 677 об.

¹⁰ Там же. Л. 677 об. – 688.

детального знакомства с разными педагогическими теориями. Наряду с учебной работой, учителя института должны были уделять большое внимание физическому и нравственному воспитанию¹¹.

Военно-учительский институт, тесно связанный с работой комиссии по учебным пособиям, стал местом апробации методов обучения кантонистов. В ту эпоху он оказался по-своему уникальным учебным заведением. Пенкин отмечал, что «институт в смысле заведения учебно-рабочего характера был поставлен графом Аракчеевым на такую степень, что впоследствии служил образцом для всех военно-сиротских отделений» [18, с. 401].

После экзамена, на котором присутствовали начальник военных поселений и члены комиссии по учебным пособиям, «смотря по успеху каждого ученика»¹², производился перевод из нижнего отделения в высшее. По окончании курса в высшем отделении выпускники оставались в институте еще на два года – для практических занятий. Затем лучшие из них назначались учителями и их помощниками для обучения кантонистов старшего возраста, остальные же предназначались для среднего возраста. Учебная программа обеспечивала подготовку учителей по всем предметам – арифметике, геометрии, русской словесности, черчению, военно-уголовному делу и др. [8, с. 75].

Поощряя инициативы своих подчиненных, Аракчеев энергично воплощал их в жизнь. Военно-учительский институт стал его любимым детищем.

К делу создания Военно-учительского института не остался равнодушным и сам Александр I. Так, сохранилась его короткая записка, адресованная Аракчееву. Царь пожелал, чтобы тот не отправлял в печать положение об институте «до личного нашего свидания, ибо нужно будет самую малую поправку сделать»¹³. Таким образом, монарх не только одобрил проект, но и лично участвовал в его итоговой корректировке.

Еще одним важным начинанием Аракчеева в сфере военного образования стало устройство полковых библиотек в военных поселениях. Имея пристрастие к собиранию библиотек в различных военных учреждениях, включая кадетские корпуса, граф в 1817 г. занялся созданием библиотек в поселенных полках 1-й гренадерской дивизии Отдельного корпуса военных поселений [15, с. 69]. Поставив дело на широкую ногу,

¹¹ Положение о Военно-учительском Институте, при Отдельном корпусе военных поселений // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 1. Д. 99. Л. 678 об.

¹² Там же. Л. 684.

¹³ Там же. Л. 681.

он подготовил проекты правил и положений о библиотеках, а затем внес их на высочайшее утверждение. Эти нормативные акты подробно регламентировали всю библиотечную работу.

Горячий сторонник развития самообразования в офицерской среде, Аракчеев в написанном им «Положении о полковой библиотеке в поселениях 1-й гренадерской дивизии» так сформулировал смысл библиотечного дела для военных: «Чтение полезных книг в свободное от службы время есть, без сомнения, одно из благороднейших и приятнейших упражнений каждого офицера. Оно заменяет общество, образует ум и сердце и способствует офицеру приуготовлять себя наилучшим образом на пользу службы Монарху и Отечеству» [2, т. 2, с. 630].

Все состоящие на службе в полку офицеры были записаны в библиотеку. Посещение «сего полезного заведения» дозволялось также полковым священникам, лекарям и другим служащим. Библиотекарем, по выбору командира полка, становился один из ротных командиров учебного батальона. В помощь ему направляли четырех кантонистов, один из которых ведал делопроизводством библиотеки. Аракчеев также составил правила пользования книгами. Так, читателям разрешалось держать у себя книгу сроком не более месяца и получать на руки не более трех книг. За утрату книги полковой командир, по докладу библиотекаря, должен был «иметь у себя на особом замечании» провинившегося офицера и штрафовать его путем вычета из жалования [16, с. 70]. Вскоре библиотеки приобрели большую популярность среди офицеров, их радовало обилие самых разных книг и периодических изданий.

В библиотеку Гренадерского графа Аракчеева (после его смерти – Ростовского) полка от книгопродавца И.И. Глазунова по подписке поступали журналы «Вестник Европы», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Отечественные записки», а также газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и «Русский инвалид» [17, с. 153]. Журнал «Сын Отечества» и газету «Северная пчела» библиотека получала от управляющего делами Комитета министров действительного статского советника Ф.Ф. Гежелинского. Сам Аракчеев за свой счет присылал для чтения «Исторический и политический журнал», журналы «Благонамеренный» и «Московский телеграф» [16, с. 71]. В военных поселениях выпускали периодический «Семидневный листок», также становящийся собственностью полковых библиотек. Пенкин вспоминал, что в этом журнале помещались заметки о быте офицеров поселенных войск и учеников института, но журнал просуществовал недолго [18, с. 411].

Таким образом, не ставя под сомнение критические оценки, которые даны военным поселениям в исторической литературе и обусловлены

царившими в них муштрой и произволом начальства, тем не менее, необходимо отметить, что они внесли свою лепту в процесс становления в России системы начального образования. Школы, созданные в военных поселениях, выходили далеко за узкоспециальные рамки, становясь, по сути, общеобразовательными заведениями. Большое внимание уделялось воспитательной работе, успехи которой всегда были необходимым условием роста успеваемости. Аракчеев лично проявлял заботу об офицерах-наставниках, стремясь всячески повышать их авторитет и престиж. Венцом его деятельности на ниве просвещения стали создание Военно-учительского института, призванного обеспечить школы в военных поселениях необходимым количеством учителей, и открытие полковых библиотек, стимулировавших развитие самообразования в офицерской среде. При этом положение дел в образовательной системе военных поселений находилось под постоянным наблюдением Александра I, лично вникавшего во многие подробности устройства учебных заведений и учебного процесса. Аракчеев и в этом случае выступал в роли энергичного и последовательного исполнителя монаршей воли.

Библиографический список / References

1. Аракчеев: свидетельства современников / Вступ. ст. Е.А. Ляминой; сост. Е.Е. Давыдова, Е.Э. Лямина, А.М. Песков; Подгот. текста и коммент. Е.Е. Давыдовой и Е.Э. Ляминой. М., 2000. [Arakcheev: svidetelstva sovremennikov [Arakcheev as seen by his contemporaries]. E.A. Lyamina, E.E. Davydova, A.M. Peskov (eds.). Moscow, 2000.]
2. Борисевич А.Б. Аракчеев, граф, Алексей Андреевич // Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого, А.В. фон Шварца, В.А. Апушкина, Г.К. фон Шульца. СПб., 1911. С. 628–644. [Borisevich A.B. Arakcheev, Count, Alexei Andreevich. *Voennaya entsiklopediya*. V.F. Novitsky, A.V. von Schwartz, V.A. Apushkin, K.G. von Schulz (eds.). St. Petersburg, 1912. Vol. 2. Pp. 628–644. (In Rus.)]
3. Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831. СПб., 1871. [Graf Arakcheyev i voennye poseleniya. 1809–1831 [Count Arakcheev and the military colonies, 1809–1831]. St. Petersburg, 1871.]
4. Давыдов Б.Б. Военные поселения в России первой половины XIX века в оценках современников: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. [Davydov B.B. *Voennye poseleniya v Rossii pervoj poloviny XIX veka v ocenках sovremennikov* [Military colonies in Russia in the first half of the 19th century as seen by contemporaries]. PhD dis. Moscow, 1993.]
5. Давыдов Б.Б. Военные поселения в России XIX века. Очерки истории. М., 2015. [Davydov B.B. *Voennye poseleniya v Rossii XIX veka. Oчерки istorii* [Russia's 19th century military colonies. Historical outlines]. Moscow, 2015.]
6. Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I (1807–1829 год). М., 2006. [Dubrovin N.F.

- Pisma glavneyshih deyatelei v carstvovaniye Imperatora Aleksandra I (1807–1829 god) [Correspondence of first-rank statesmen under Emperor Alexander I, 1807–1829]. Moscow, 2006.]
7. Кандаурова Т.Н. Давыдов Б.Б. Военные поселения в оценке современников // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1992. № 2. С. 44–55. [Kandaurova T.N., Davydov B.B. Military settlements as seen by contemporaries. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8: History. 1992. No. 2. Pp. 44–55. (In Rus.)]
 8. Кандаурова Т.Н. Система образования в военных поселениях России в XIX в. // Педагогика. 2000. № 7. С. 73–78. [Kandaurova T.N. Education system in 19th century Russia Military Colonies. *Pedagogika*. 2000. No. 7. Pp. 73–78. (In Rus.)]
 9. Кандаурова Т.Н. Образование и повседневная жизнь военных кантонистов и учащихся: учебные заведения полковых поселенных округов // XVI Петербургские военно-исторические чтения: Всероссийская научная конференция. СПб., 2021. С. 19–34. [Kandaurova T.N. Education and everyday life of military cantonists and learners studying at schools in the military settlements. *XVI Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya*. St. Petersburg, 2021. Pp. 19–34. (In Rus.)]
 10. Карцов П.П. О военных поселениях при графе Аракчееве // Русский вестник. 1890. № 2. С. 139–172; № 3. С. 82–115; № 4. С. 75–121. [Kartsov N.P. On the military colonies under Count Arakcheev. *Russkiy vestnik*. 1890. No. 2. Pp. 139–172; No. 3. Pp. 75–121; No. 4. Pp. 75–121. (In Rus.)]
 11. Константинов Н.А. Аракчеевщина // История в средней школе. 1934. № 3. С. 12–25. [Konstantinov N.A. Arakcheev's Regime. *Istoriya v sredney shkole*. 1934. No. 3. Pp. 12–25. (In Rus.)]
 12. Константинов Н.А. Школьная система военных поселений // Советская педагогика. 1938. № 6. С. 34–42. [Konstantinov N.A. School system in the military colonies. *Sovetskaya pedagogika*. 1938. No. 6. Pp. 34–42. (In Rus.)]
 13. Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1–2. [Romanov N.M., Grand Duke. *Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovaniya* [Emperor Alexander I. A historical essay]. St. Petersburg, 1912. Vol. 1–2.]
 14. Орлов А.А. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.). М., 2014. [Orlov A.A. «Shkoly dlya vseh». *Lankasterskaya sistema obucheniya v Rossii v pervoi chetverti XIX veka (1814–1826 gg.)* [“Schools for all”. The Lancaster system of instruction in Russia in the first quarter of the XIX century (1814–1826). Moscow, 2014.]
 15. Орлов А.А. Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Педагогика и психология образования. 2013. № 1. С. 11–20; № 2. С. 9–23. [Orlov A.A. Lancaster schools in Russia at the beginning of XIX century. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2013. No. 1. Pp. 11–20; No. 2. Pp. 9–23. (In Rus.)]
 16. Панченко А.М. Граф А.А. Аракчеев и его деятельность по устройению полковых библиотек // Библиотековедение. 2008. № 1. С. 66–73. [Panchenko A. M. Count Arakcheev's activities concerning the creation of libraries in the regiments. *Bibliotekovedenie*. 2008. No. 1. Pp. 66–73. (In Rus.)]
 17. Папешин В.Н. Библиотека графа А.А. Аракчеева // Сквозь века и судьбы. Библиотеки Новгородского края XI–XX вв. Великий Новгород,

2002. С. 144–166. [Papeshin V.N. Count Arakcheev's library. *Skvoz veka i sudby. Biblioteki Novgorodskogo kraja XI–XX vv.* Velikiy Novgorod, 2002. Pp. 144–166. (In Rus.)]
18. Пенкин Ф.А. Воспоминания о Военно-учительском институте (1818–1832) // Военный сборник. 1864. Т. 40. № 12. С. 389–414. [Penkin F.A. Memoirs on the Military Teachers Training Institute. *Voyenny sbornik.* 1864. Vol. 40. No. 12. Pp. 389–414. (In Rus.)]
 19. Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897–1898. Т. 1–4. [Schilder N.K. Emperor Aleksandr Pervyi, ego zhizn i tsarstvovanie [Emperor Alexander the First, his life and reign]. St. Petersburg, 1897–1898. Vol. 1–4.]
 20. Щербальский П.К. Военные поселения и граф Аракчеев // Русский вестник. 1871. № 10. С. 495–496. [Shchebalskiy P.K. Military colonies and Count Arakcheev. *Russkiy vestnik.* 1871. No. 10. Pp. 495–496. (In Rus.)]
 21. Ячменихин В.К. Военные кантонисты русской армии (1797–1836): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. [Yachmenihin V.K. Voennye kantonisty russkoj armii (1797–1836) [Military cantonists of the Russian army, 1797–1836]. PhD dis. Moscow, 2000.]
 22. Ячменихин В.К. Подготовка армейского резерва в военных поселениях // Украина і Росія в панорами: збірник наукових прац на пошану проф. К.М. Ячменихіна. Чернігов, 1998. С. 151–163. [Yachmenihin V.K. Army reserve training in the military colonies. *Ukraina i Rosiya v panorami: zbirnik naukovix prac na poshanu prof. K.M. Yachmenihina.* Chernigov, 1998. Pp. 151–163. (In Rus.)]
 23. Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. [Yachmenihin K.M. Armiya i reformy: voennye poseleniya v politike rossijskogo samodержaviya [The army and the reform: Military colonies in the policies of the Russian autocracy]. Chernigov, 2006.]
 24. Almedingen E.M. The Emperor Alexander I. N.-Y., 1964.
 25. Ferguson A. D. The Russian military settlements, 1810–1866. PhD. dis. New Heaven, Conn., 1953.
 26. Hartley J.M. Tsar Alexander I. L., 1994.
 27. Jenkins M. Arakcheev: Grand vizier of the Russian Empire: A biography. N.-Y., 1969.
 28. Martin A.M. Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. Dekalb, Ill., 1997.
 29. McConnell A. Tsar Alexander I: Paternalistic reformer. N.-Y., 1970.
 30. Palmer A. Alexander I: Tsar of war and peace. N.-Y., 1974.
 31. Pipes R.E. The Russian military colonies, 1810–1831. *The Journal of Modern History.* 1950. Vol. 22. No. 3 (September). Pp. 205–219.
 32. Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia: 1772–1839. The Hague, 1957.
 33. Rain P. Un tsar idéologue : Alexandre Ier : (1777–1825) : ouvrage orné de 8 gravures. Paris, 1913.
 34. Rey M.-P. Alexander I: The tsar who defeated Napoleon. S. Emanuel (transl.). Dekalb, Ill., 2012.
 35. Whiting K.R. Aleksei Andreevich Arakcheev. PhD. dis. Harvard; Cambridge, Mass, 1951.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021, принята к публикации 10.09.2021
The article was received on 09.08.2021, accepted for publication 10.09.2021

Сведения об авторе / About the author

Полатханова Эльмира Руфатовна – аспирант кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Elmira R. Polatkhanova – postgraduate student at the Department of History of Russia of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: polathanchik@gmail.com